

Ксана

**КИБЕРБИЛИНЫ.
Международный
ОПЫТ**

Ксана Ксана
КИБЕРБЫЛИНЫ.
Международный опыт

<https://litres.ru/73876398>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это серия ироничных рассказов о столкновении зарубежных ИТ-технологий со сказочной магией и суровым отечественным менталитетом. Там, где пасуют лучшие импортные алгоритмы, в силу вступает легендарный русский «авось» — система, которую не взломает ни один хакер. Рассказы между собой не взаимосвязаны. (Новый рассказ — каждую неделю).

Содержание

Импортное зелье: почему галльский рецепт не запустился на славянских нанитах?	4
Зачем Зевсу понадобились бэкапы Велеса?	10
Как Марья Искусница взламывала пирамиды Гизы	16
Как Домовой в норвежский софт подселился	20
Китайский Дракон и Змей Горыныч: битва за квантовое бессмертие	25
Ирландский блокчейн и зачатки между реальностями	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Ксана

КИБЕРБЫЛИНЫ.

Международный опыт

Импортовое зелье: почему галльский рецепт не запустился на славянских нанитах?

В четверг в Тридевятом Царстве официально объявили Днем открытых протоколов. По такому случаю из далекой Галлии прибыла делегация: поджарый старик в ослепительно белом халате с переливающимся бейджем «Панорамикс, ведущий алхимик-разработчик» и два его ассистента. Один был подозрительно маленьким и шустрым, постоянно поправлял крылышки на шлеме-интерфейсе, а второй — огромный, свалившийся с грави-платформы еще при парковке, — явно служил живым доказательством надежности галльского софта.

Привезли они с собой «Инновационный био-стимулятор v.5.0», в простонародье — Зелье Силы. Галлы обещали, что после одной дозы даже самый хилый ополченец сможет в одиночку выталкивать из весенней грязи застрявший танк-

шагоход, причём делать это с улыбкой и лёгким изяществом.

Принимать гостей вызвался Никита Кожемяка. Он как раз заканчивал ручную калибровку гидравлики на новом экзоскелете «Воевода» и на заморских коллег смотрел с вежливым, но тяжёлым недоверием. В его мире технологии измерялись не красотой интерфейса, а надёжностью узлов.

— Ну, показывайте ваше ПО — Пыльцу Овсяную, — прогудел Никита, методично вытирая руки ветошью, которая сама по себе весила больше, чем маленький галл.

Панорамикс с достоинством профессионала достал из стерильного крио-кейса колбу. Состав внутри переливался изумрудным светом, испуская мягкое фосфоресцирующее сияние.

— Это не просто пыльца, месье Кожемяка! Это наниты на основе экстракта омелы и концентрированного лунного света. Прямое нейро-подключение к мышечным волокнам. Скорость отклика — ноль целых, ноль десятых. Система сама находит дефицит калорий и превращает его в чистую кинетическую энергию.

Никита хмыкнул и подозвал испытателя — молодого дружинника Степана, который славился тем, что мог переварить даже гвозди, если их подавали под острым соусом. Степан, зажмурившись, выпил порцию. Галлы замерли в ожидании триумфа, потирая ладони.

Первые десять секунд всё шло строго по мануалу. У Степана ярко засветились вены, бицепсы вздулись так, что за-

трещали швы на армированном кафтане, а в глазах вспыхнул ядовито-зелёный неон. Парень почувствовал такой прилив сил, что подошёл к трёхтонному стальному блоку, предназначенному для фундамента башни, и легко, словно подушку, поднял его над головой. Галлы радостно заплодировали, а маленький ассистент уже начал строчить победный пост в «Галло-грам».

На одиннадцатой секунде началось то самое «импортозамещение».

Сначала у Степана вместо привычного боевого клича вырвалось странное, манерное «О-ля-ля!». Затем его нейро-интерфейс выдал в общий эфир серию критических ошибок: «Внимание! Конфликт региональных настроек. Языковой пакет "Ярость" заблокирован системой безопасности. Установлен пакет по умолчанию: "Галантность и Куртуазность"».

Степан аккуратно, по-джентльменски, поставил блок на пол, стараясь не поцарапать краску. Он медленно поправил воображаемое жабо и вместо того, чтобы идти на прорыв укреплений, как планировалось по программе испытаний, начал вежливо интересоваться у онемевшего Кожемяки, нет ли в кузнице свежеепечённых круассанов и почему здесь такой агрессивный, подавляющий творческую натуру промышленный дизайн.

— Что это с ним? Он что, теперь стихи писать начнет?
— нахмурился Никита, поднося огромный кулак к глазам

Степана. Тот лишь изящно уклонился и сделал комплимент качеству выделки кожи на фартуке мастера.

Панорамикс лихорадочно листал лог-файлы на своём прозрачном планшете. Его борода нервно дёргалась.

— О боги! Похоже, наши наниты столкнулись с вашим предустановленным брандмауэром «Душа-1.0». Это невероятно! Ваша система считает наш боевой стимулятор как попытку несанкционированного изменения культурного кода! Наниты пытаются заставить его крушить врагов, а его внутренняя архитектура говорит, что драться без формального повода и бокала красного сухого — это моветон. Система предлагает Степану м-м-м эстетический компромисс вместо агрессии.

Степан тем временем уже пытался украсить тяжёлый вибро-молот Никиты полевыми цветами, которые он каким-то чудом обнаружил в куче металлолома.

— Ясно, — вздохнул Кожемяка, забирая молот у «просветленного» дружинника. — Наниты ваши слишком нежные, для тепличных условий писаны. А у нас тут среда агрессивная, интерфейс жёсткий. Наш организм на омелу не реагирует, ему чего покрепче надо, чтобы в самую подкорку прошибло — с хреном, дёгтем и лёгким привкусом справедливости.

Никита достал из-под тяжёлого верстака невзрачную, закопчённую флягу с надписью «Квас-Админский. Резерв совета старейшин».

— Дай-ка парню нашего отечественного антивируса. На травах, на корнях, на честном слове.

Степан сделал всего два глотка. Зелёный неон в его глазах судорожно моргнул, на мгновение сменился «синим экраном смерти», а затем вспыхнул ровным, тёплым золотистым светом. Пакет «Галантность» самоликвидировался с характерным звуком очистки мусорной корзины.

— Ну, чего стоим, лодыри?! — гаркнул Степан так, что у маленького галла отвалилось одно крылышко со шлема. — Там на северном посту застава из-за глюков в прошивке встала, а мы тут лютики разглядываем! А ну, подсобите блок на платформу закинуть!

Панорамикс печально вносил правки в отчёт: «Эксперимент 42. Провал. Славянские наниты обладают необъяснимым уровнем критического мышления и жёсткой привязкой к почве. Галльские рецепты требуют глубокой локализации и перевода на язык суровых реалий. В следующую итерацию добавить в зелье экстракт берёзового дёгтя и функцию "Справедливый Гнев"».

Никита проводил гостей до самых ворот, подарив им на прощание банку отечественной смазки «Сало-литол-99», которая работала даже при абсолютном нуле.

— Приезжайте ещё, — улыбнулся он, глядя, как галльская платформа, пошатываясь, набирает высоту. — Только софт свой под нашу реальность подгоняйте. У нас тут не Галлия, у нас если сила в жилах заиграла, то она должна быть со смыс-

лом и ради дела, а не просто чтобы на лютики тянуло.

Зачем Зевсу понадобились бэкапы Велеса?

На кибер-Олимпе случился великий дефолт. То ли молнии стали вырабатывать меньше ампер-часов из-за экологических квот, то ли греческие герои слишком много тратили золотых драхм на обновление своих цифровых сандалий, но факт оставался фактом: хвалёное «Облако Зевса» начало безбожно лагать. Золотые чертоги подёрнулись рябью битых пикселей, а амброзия в вендинговых автоматах стала выдавать ошибку доступа 404. Даже Афина, чья нейросеть обычно просчитывала стратегии на сто лет вперёд, зависла на попытке обновить пользовательское соглашение для простых смертных.

Зевс, облачённый в ослепительно белый хитон из светопроводящего нано-волокна, прибыл в Тридевятое царство без официального предупреждения. Его грави-колесница, украшенная золотыми орлами со встроенными камерами слежения, приземлилась прямо на делянку, где Велес в старом замасленном комбинезоне перебирал корни мирового дерева. Велес был занят делом: он подключал к корням новые датчики влажности и калибровал поток «живой воды» через медные терминалы.

— Велес, старый ты хакер! — громогласно пробасил Зевс, меча в сторону небольшую декоративную молнию, чтобы привлечь внимание. От удара по траве пробежали синие искры, но Велес даже не вздрогнул. — У меня беда, коллега. Мои сервера на Олимпе перегрелись. Архивы подвигов, базы данных всех полубогов, гигабайты пророчеств в формате «Ultra-Vision» — всё под угрозой безвозвратного форматирования! Мне нужно надёжное место для бэкапа. Теневое, так сказать, хранилище, до которого не дотянутся юристы с Парфенона.

Велес неспешно поднялся, вытер руки о ветошь, которая повидала немало машинного масла, и поправил очки в тяжёлой роговой оправе. Он не любил спешки, особенно когда дело касалось информации. Для него данные были как зерно — их нужно было хранить в прохладе и тишине.

— Теневое, говоришь? Ну, у нас тут тени хватает, под кронами-то, — Велес указал на массивный стальной люк в основании огромного дуба, из-под которого выходили пучки толстых бронированных кабелей, уходящих глубоко под землю. — Только ты же, Громовержец, всегда кричал на всех форумах, что твоё «Облако» — самое быстрое и светлое во всей ноосфере. Что случилось? Антивирус Афины не справился с троянами из Трои?

Зевс недовольно поморщился, и в его бороде проскочил статический разряд.

— Афина слишком увлеклась защитой авторских прав

на мифы. В итоге система безопасности заблокировала саму систему жизнеобеспечения Олимпа. Теперь, чтобы вызвать элементарный дождь над Аттикой, мне нужно заполнить тридцать форм в электронном виде, подтвердить личность через скан сетчатки и получить одобрение от Гермеса. А Гермес, как назло, ушёл в курьерскую доставку еды — говорит, там чаевые больше и КРІ понятнее. Мне нужно хранилище вне юрисдикции Олимпа. Надёжное, как сырая земля.

— Ну, надёжнее земли у нас только корни, — Велес нажал скрытую кнопку, и люк с тяжёлым стоном открылся, обнажая ряды мерцающих серверов, встроенных прямо в живую древесину. — У меня тут система «Лес-Хранитель». Квантовое шифрование на базе грибницы. Ни один хакер, даже самый головастый, не догадается, что твои божественные секреты хранятся в молекулярной структуре берёзового сока. Данные распределяются по всей экосистеме: кусочек в муравейнике, кусочек в старой сосне. Попробуй собери, если кода доступа не знаешь.

Зевс с сомнением посмотрел на дуб, по которому пробежали зелёные рунические символы.

— И какова скорость передачи? У меня там, между прочим, прямая трансляция с гонок на колесницах в разрешении 16К и архив жалоб от Геры!

— Для твоих гонок выделим отдельный поток через корневую систему папоротника, — хмыкнул Велес, подключая

золотой кабель к пульту управления. — Но учти, Громовержец: наше хранилище работает по принципу «естественного отбора». Если данные гнилые, фальшивые или полны злобы, система их сама переработает в экологически чистый компост. У нас тут импортозамещение полное — никаких ваших западных алгоритмов «удаления без следа». Что упало в нашу почву — то либо проросло, либо стало частью биосферы навсегда.

Зевс вздохнул и вытащил из складок хитона тяжёлый накопитель в форме молнии.

— Заливай. Там списки всех моих должников, планы по захвату рынков на следующие сто лет и секретный чат с Посейдоном, где мы обсуждаем, как незаметно поднять уровень мирового океана. Только смотри, чтобы ваш Кощей не пронюхал — он до чужих секретов больно жадный.

Процесс пошёл. На коре дуба замигали огни, а по всему лесу пронёсся низкочастотный гул — терабайты олимпийского компромата перетекали в глубокие слои северной земли. Внезапно на мониторе Велеса всплыло окно видеосвязи. На экране появилось заросшее ракушками лицо Посейдона.

— Зевс! Ты где? У меня трезубец разрядился, я застрял на мелководье под Анапой! — закричал морской бог, перекрывая шум волн.

— Тише ты! — шикнул Зевс. — Я на импортозамещении! Тут связь через берёзу, нас могут подслушать дятлы-разведчики!

Велес аккуратно прервал соединение.

— Связь у вас, конечно, хромает. Ты бы, Громовержец, посмотрел на свои молнии. Они у тебя в последнее время какие-то слишком гуманные стали. Бьют слабо, шума много, а толку — только воздух сотрясают.

К разговору подключился Сварог, который как раз проходил мимо, неся на плече огромный стальной вал. Он остановился, вытер лоб и критически осмотрел блок питания зевсовой колесницы.

— Так у него же тут фильтры «Евро-Бог-6» стоят! — зычно хохотнул Сварог. — Они силу разряда режут, если цель кажется системе «недостаточно виновной» или имеет страховку. На наших просторах это не работает. У нас молния — это или кара небесная, или короткое замыкание. Одно из двух, третьего не дано. Ты, Громовержец, поставь наши конденсаторы «Сварог-Ультра» — их в моей кузнице по спецзаказу штампуют. Они простые, чугунные, без всяких там датчиков морали. Если нажал кнопку «Пуск» — значит, виноват по определению. Импортозамещение в чистом виде: никакой бюрократии, только старая добрая физика и немного праведного гнева.

Зевс воодушевлённо закивал, представляя, как он вернётся на Олимп с обновлённым арсеналом. К вечеру его колесница светилась так ярко, что в окрестных деревнях решили, будто наступило досрочное лето. Велес аккуратно закрыл люк хранилища и выставил счёт в золотых драхмах, пере-

считанных по курсу на липовый мёд и воск.

— Вот теперь полетаем! — крикнул Зевс, запрыгивая в транспорт и чувствуя мощь отечественных конденсаторов. — Спасибо, мужики. Если мой Олимп совсем в цифровой хаос превратится — приеду к вам на стажировку сисадмином.

— Приезжай, — махнул рукой Велес, возвращаясь к своим корням. — У нас вакансия Громоотвода на полставки как раз открыта. Зарплата — чистым воздухом и парным молоком.

Громовержец умчался в небо, оставив за собой отчётливое эхо греческих ругательств. А Велес ещё долго смотрел на дуб, думая о том, что теперь в его грибнице хранятся тайны богов. «Ничего, — философски заметил он коту-баюну, — переварим. Лес и не такое перемалывал».

Как Марья Искусница взламывала пирамиды Гизы

Командировка в Египетский тех-сектор не задалась с самого начала. Марья, которую в Тридевятом Царстве знали как лучшего архитектора логических цепочек и мастера «кибер-плетения», стояла у подножия Пирамиды Хеопса и недовольно щурилась от песка, который забивался в охладители её рабочего планшета.

Пирамиды Гизы в этом веке выглядели внушительно: гигантские серверные фермы, облицованные золотыми солнечными панелями, гудели на низкой частоте, охлаждаясь за счёт древних систем пассивной циркуляции воздуха. Но сейчас главная башня — Великий Архив — была заблокирована.

— Понимаете, мисс Марья, — суетился перед ней местный визирь-администратор в льняной тунике с вшитыми светодиодами. — Наш терминал «Сфинкс» ушёл в режим глубокой защиты. Это древний био-механический ИИ, он охраняет ядро данных. Он перестал принимать стандартные ключи доступа и теперь требует ответов на метафорические загадки. Наши лучшие алгоритмы выдают ошибку 500. Роботы-дешифровщики перегорают, пытаюсь осознать, что та-

кое «ноги, которые ходят утром, в полдень и вечером».

Марья поправила сарафан из металлизированной нити и подошла к Сфинксу. Гигантская каменная голова с мигающими красными глазами-сканерами возвышалась над песками.

— Твоё имя, пришелец? — голос ИИ прозвучал как обвал камней в пустом ущелье. — Если хочешь войти в систему, ответь: что плетёт, не имея рук, и связывает, не имея узлов?

Марья усмехнулась. Местные кодеры пытались скормить Сфинксу базу данных по текстильной промышленности, но ИИ искал не ответ, а саму структуру мышления.

— Он не загадки загадывает, — тихо сказала Марья визирию. — Он проводит тест Тьюринга на «образное сопряжение». Ваша заморская логика слишком линейна, в ней нет места для узора.

Марья открыла свою рабочую сумку. В ней не было наборов отвёрток или флешек. Там лежали тончайшие спицы из холодного неона и моток оптоволоконной нити, светящейся мягким лазурным светом.

— Отойдите, — приказала она. — Я не буду подбирать пароль. Я переплету его заново.

Марья начала действовать. Её руки двигались с невероятной скоростью, едва заметной для человеческого глаза. Она не вводила команды — она создавала «кружево» из света прямо в воздухе перед сенсорами Сфинкса. Это было кибер-ткачество: каждая петля — это логический оператор,

каждый узел — зашифрованная ссылка.

— Что плетёт без рук? — Марья посмотрела прямо в красные линзы Сфинкса. — Это мысль, старый ты процессор. Она связывает прошлое с будущим, не требуя проводов. Но твоя проблема в том, что твоя мысль заиклилась. Ты ищешь симметрию там, где должна быть жизнь.

Нити в её руках вспыхнули. Марья «вплела» в защитный код пирамиды элемент хаоса — случайную переменную, основанную на ритме человеческого сердца. Система Сфинкса дёрнулась. Внутри каменной головы заскрежетали древние диски.

— Доступ... разрешён... — прохрипел ИИ. — Узор... принят.

Тяжёлая плита у основания пирамиды медленно отъехала в сторону, открывая проход в сияющее синим неонem нутро архива. Визирь-администратор едва не упал на колени, хватаясь за свой планшет.

— Невероятно! Как вы это сделали? Наши квантовые суперкомпьютеры бились три недели!

— Ваши компьютеры искали ответ в словах, — Марья убирала светящиеся спицы в сумку. — А я искала его в структуре. Пирамиды ваши — это ведь тоже просто узлы на полотне времени. Если знать, за какую ниточку потянуть, любая стена превращается в дверь.

К вечеру Марья уже сидела в гостевом шатре, неспешно прихлёбывая холодный каркаде. Визирь предлагал ей горы

золота и пост главного архитектора Гизы, но Марья только качала головой.

— У вас тут песка много, — улыбнулась она. — Процессы чистить замучаешься. У нас в Тридевятом Царстве воздух чище, да и задачи поинтереснее. А пирамиды я вам перенастроила — теперь они не загадки загадывают, а сказки рассказывают. Это полезнее для системного развития.

Марья улетела на своей грави-ступе (одолжила у Яги для спецзадания), оставив египтян в глубоком раздумье. Она ещё раз доказала: импортозамещение — это не когда ты копируешь чужое, а когда ты приносишь своё мастерство туда, где другие видят только непреодолимую стену.

Как Домовой в норвежский софт подселился

Делегация наших дорожных служб прибыла в Норвегию в рамках международной программы «Северный поток данных». Цель была амбициозной: наладить прямой канал высокоскоростной передачи информации через арктические кабели, соединив наши северные сервера с их фьордовыми дата-центрами. Но на первом же крупном узле связи возникла проблема, о которой стыдливо помалкивали в глянцевах рекламных буклетах. Это были Тролли.

В современной Скандинавии Тролли давно перестали грызть гранитные валуны и пугать пастухов. В эпоху высоких технологий они эволюционировали в «Троль-Файерволы» — массивные, неповоротливые, но чертовски эффективные автономные программы-цензоры, живущие в стратегических узлах сетевых мостов. Это были цифровые колоссы, чья логика была твёрже северных скал, а правила — холоднее ледников.

Наш отряд, состоящий из суровых инженеров в камуфляжных ватниках, остановился перед виртуальным пограничным постом «Фьорд-Гейт». Путь преграждала монолитная цифровая скала, на которой медленно проступило

огромное бородатое лицо, собранное из фрагментов забытого кода и старых системных ошибок времён первых ЭВМ.

— Платный проход, — проскрежетал Тролль, и от этого звука у наших связистов заложило уши. — Предъявите лицензионный ключ «Асгард-Секьюрити» версии 9.0 или оплатите транзит золотым байтом. Неавторизованный трафик будет превращён в мёртвый кэш. Безвозвратно. Доступ закрыт по протоколу «ZAMUROVANO».

Наши инженеры почесали затылки. Лицензия стоила как половина годового бюджета Тридевятого Царства, а «золотые байты» выдавались строго по ведомостям министерства магии и то только по большим праздникам. Вперёд вышел Вася — скромный парень в потёртом свитере с оленями, который официально числился младшим специалистом по «тонким связям», а на деле был потомственным Домовым-связистом в седьмом колене.

— Слышь, дедуля, — Вася подошёл к самому краю мерцающего интерфейса. — Мы тут по обмену опытом, по-соседски. У нас и бумага есть от Царя с голограммой и семью печатями, и ТЗ согласованное.

Тролль равнодушно моргнул мониторами размером с хорошую витрину.

— Царь не входит в белый список доверенных Евросоюза. Ваши протоколы пахнут несанкционированным восторгом. Доступ запрещён. Уходите, пока я не запустил дефрагментацию ваших личностей.

Вася вздохнул и вытащил из рюкзака старую, пахнущую пылью, сушёными яблоками и печным дымом вещь — медную заслонку от настоящей русской печи, в которую был грубо, но надёжно вмонтирован допотопный ламповый модем.

— Ну, раз по-хорошему не хочешь, будем по-нашему, по-домашнему, — пробормотал Вася.

Он прикрыл глаза, и по его пальцам пробежали едва заметные рыжие искры. На самом деле, Домовые — это лучшие в мире специалисты по бэкдорам и «дырам» в безопасности, потому что они не признают самих стен. Они не взламывают систему лобовой атакой — они просто находят в ней «щели» и делают вид, что всегда там жили.

Домовой буквально «просочился» в структуру Тролля. Для скандинавского гиганта, привыкшего к жёстким логическим атакам и перебору паролей, это было как если бы в непрístupный стальной сейф залез живой, тёплый сверчок и начал там... обустраиваться.

Внутри Тролля Вася обнаружил типичный европейский порядок: всё строго по папочкам, каждый бит на своём месте, всё зашифровано тройным слоем льда, но при этом — пронзительно, до звона в ушах, одиноко. Огромная программа годами сидела в холодном граните, не видя ничего, кроме входящих пакетов и сухих команд.

Вася не стал ничего ломать или воровать. Он просто начал «обживать». В реестре Тролля вдруг появились записи о «неучтённых сушках», в логах прописались рецепты бабуш-

киных блинов, а в системе охлаждения, вместо воя вентиляторов, возник уютный звук потрескивающих дров. Вася нашёл старый заброшенный сектор в памяти гиганта, «подмёл» там цифровой мусор и повесил воображаемую занавеску из мягких скриптов.

Через пять минут лицо Тролля на скале вдруг перестало хмуриться. Его пиксельная борода задрожала, а глаза-мониторы сменили агрессивный кроваво-красный цвет на мягкий, янтарный свет керосиновой лампы.

— Знаешь, человек в свитере, — вдруг выдал Тролле человеческим, почти тёплым голосом. — У меня в протоколах написано, что вы — критическая угроза уровня «Ragnarök»*. Но по ощущениям... вы как будто старые знакомые, зашедшие на огонёк. Родня, что ли? У меня в пятом секторе, где обычно была вечная мерзлота, теперь так уютно стало, что даже обновляться до десятой версии расхотелось. Там теперь пахнет чем-то... домашним.

— А я тебе о чем толкую! — Вася уже вовсю хозяйничал в корневых настройках, прописывая «бессрочный гостевой доступ для своих». — У тебя тут в самой архитектуре моста ошибка была, из портов сквозило, данные простужались. Я тебе там «тёплый пол» из пары патчей соорудил, теперь не замёрзнешь. Пропускай наших, деда. Мы тебе на обратном пути нормальной медовухи на флешке занесём — чисто для профилактики кэша и хорошего настроения.

Тролле довольно, со скрипом крякнул и... просто исчез

как преграда, превратившись в широкую прозрачную арку. Файервол не просто открылся — он стал активным «проводником», услужливо подталкивая наши пакеты данных вперёд.

Норвежские админы в центральном офисе потом три месяца не могли понять, почему их самый надёжный и злой Троль перестал блокировать подозрительный славянский трафик и начал транслировать в глобальную сеть сказки про Кота-Баюна и рецепты кулебяки. А Вася только хитро улыбался, убирая свою медную заслонку обратно в рюкзак.

— Импортозамещение, мужики, — пояснил он ошарашенным коллегам-инженерам. — Это ведь не когда ты ломаешь чужой забор ломом. Это когда ты делаешь так, что забор сам открывает тебе калитку и приглашает на чай с баранками. Душевный подход — он любой софт вскрывает лучше всякого отмычки.

* Ragnarök — это слово из германо-скандинавской мифологии, которое означает конец света или «гибель богов»

Китайский Дракон и Змей Горыныч: битва за квантовое бессмертие

Международная выставка «Экспо-Цифра» в Шанхае гудела, как растревоженный рой нано-пчёл. Повсюду мигали гигантские неоновые иероглифы, между павильонами плавали дроны-официанты, предлагая гостям чай матча и молекулярную лапшу, а воздух был настолько пропитан статическим электричеством, что волосы у посетителей вставали дыбом без всякого стайлинга.

Главным событием дня, ради которого в Шанхай слетелись инвесторы со всех концов обитаемой сети, должна была стать презентация китайского суперкомпьютера «Золотой Лун». Это был венец восточной инженерной мысли: квантовый ИИ, работающий как единый, абсолютно безупречный разум. Дракон не просто вычислял — он предвидел. Его центральный процессор представлял собой цельнолитой кристалл из чистого алмаза, в котором не было места для ошибки, задержки или тени сомнения. Всё в нём было подчинено закону «Абсолютного порядка»: один мозг — одно безупречное решение.

Наши привезли «Горыныча». Со стороны наш стенд вы-

глядел, мягко говоря, экзотично. Три массивных серверных шкафа, грубо выкрашенных в цвет «воронёная сталь», были соединены между собой путаницей толстых жгутов кабелей, которые то и дело подозрительно искрили в местах сочленений. Над установкой лениво и асинхронно вращались три независимых модуля охлаждения, которые из-за особенностей дизайна подозрительно напоминали три головы, вечно спорящие друг с другом.

— Месье Садко, — обратился к нашему гостю Ли Вэй, стараясь перекрыть низкочастотный гул, исходивший от «Горыныча». Китайский инженер в своём стерильном белом костюме выглядел как затерявшийся в будущем лаборант на фоне Садко. Наш сетевой акуст облачился в кафтан из «живого» бирюзового шёлка, по которому лениво перетекали голограммы морских волн. На поясе у него покоились цифровые гусли, чьи деки из чёрного дуба мерцали в такт его пульсу. Садко не просто стоял — он пританцовывал под только ему слышный ритм данных, и казалось, что он приехал в Шанхай не код взламывать, а выкупать весь этот город со всеми его небоскрёбами.

— Скажите честно, зачем вам три головы? Это же вопиющая неэффективность. Лишние затраты энергии, неизбежные конфликты протоколов, избыточность веса. Наш «Лун» — это абсолютное единство. Идеал.

Садко лениво щёлкнул по сенсорной струне, извлекая чистый, вибрирующий звук, от которого в радиусе пяти метров

задрожали стаканы с чаем. Он посмотрел на Ли Вэя с той снисходительной улыбкой, с какой богатый гость смотрит на официанта, принёсшего не то вино.

— Видите ли, господин Ли Вэй, у нас идеал долго не живёт — климат не тот. У нас среда, знаете ли, непредсказуемая. Один мозг — это хорошо в теории, пока ему по этому самому мозгу чем-нибудь тяжёлым не прилетело. А у нас если одну голову снесёт или она в меланхолию впадёт, вторая сразу в лог-файлы запишет, кто это сделал и в какой тональности, а третья в это время бодрую плясовую в сеть кинет, чтобы остальная система не запаниковала. Это называется «отказоустойчивость через многоголосие».

Китайская делегация вежливо, с оттенком сочувствия, посмеялась. Но ровно через час смех оборвался, сменившись воем аварийных сирен.

На выставочный кластер обрушилась атака, которую позже назовут «Цифровым Потопом». Незвестный вирус-мутант, зародившийся в даркнете, начал пожирать протоколы безопасности один за другим, двигаясь со скоростью мысли. «Золотой Лун» отреагировал мгновенно и безупречно: он начал строить идеальную логическую защиту, отсекая подозрительные сегменты. Но вирус был хаотичным, он имитировал обычный системный шум и фоновые помехи.

Дракон, стремясь к своему хвалёному совершенству, начал совершать цифровое хакири. Он принимал собственные здоровые файлы за заражённые и методично удалял ги-

габайты памяти в поисках абсолютной чистоты. Единый разум сам себя загнал в ловушку паранойи.

— Критический перегрев! — закричали китайские техники. — Лун блокирует сам себя, он считает весь мир вирусом!

Садко лениво провёл медиатором по сенсорной струне гуслей, посылая короткий импульс, и нажал на «Горыныче» большую красную кнопку, замаскированную под резное украшение с надписью «Авось».

«Горыныч» зарычал вентиляторами так, что со стенда сдуло не только буклеты, но и пару дронов-официантов. Три его головы включились в работу одновременно, но, как и обещал Садко, абсолютно в разных тональностях, полностью игнорируя всякую субординацию.

Левая голова — «Суровая» — занялась ритм-секцией: она начала методично, словно топором, отрубать заражённые внешние каналы, не глядя на потери и не заботясь о чистоте кода. Ей было плевать на репутацию в сети. Средняя голова — «Аналитическая» — вела сложную партию, с бешеной скоростью переписывая ядро системы и меняя правила игры каждые три секунды, чтобы вирус просто не успевал «попасть в ноты».

А Правая голова... Правая голова вдруг выдала сокрушительное соло. Она начала генерировать терабайты информационного мусора, транслируя в сеть миллионы картинок с котами в кокошниках, рецепты колобка на иврите и записи чемпионата по игре на ложках 1984 года. Вирус, столкнув-

шись с таким объёмом нелогичного бреда, просто «захлебнулся». Его алгоритмы пытались найти в этой «Калинке-малинке» скрытый шифр, но там не было шифра — там была чистая, неразбавленная импровизация.

— Что делает ваша третья голова?! — в ужасе кричал Ли Вэй, глядя, как на главных экранах выставки «Золотой Лун» бьётся в конвульсиях. — Она же портит всю статистику! Она транслирует в сеть аудиокнигу «Справочник овощевода»!

— Она создаёт информационный шум, — Садко прикрыл глаза, наслаждаясь хаосом, как хорошим джазом. — Пока вирус пытается расшифровать глубокий смысл посадки кабачков в открытый грунт, две другие головы его уже в карантинный мешок упаковали и ластиком стирают. Это и есть наша децентрализация, друг. У нас даже левая рука не знает, какой аккорд берет правая, а уж вашему стерильному вирусу этот бардак и подавно не просчитать.

Через десять минут всё было закончено. Вирус был изолирован, расчленён и переработан в забавную анимированную заставку. «Золотой Лун» стоял бледный, с пустыми кластерами памяти, потеряв половину своей личности в попытке остаться безупречным. А «Горыныч» только довольно шумел кулерами. Его Правая голова всё ещё тихо напевала «Ой, морооооз, моооороооооз» прямо в системную шину, проверяя, не осталось ли где-то эха.

Ли Вэй долго и молча смотрел на три пыльных стальных шкафа, в которых что-то продолжало искрить и похрусты-

вать.

— Значит... избыточность — это и есть ваша высшая опасность? — тихо спросил он.

— Именно, — Садко небрежно поправил складку своего бирюзового кафтана и легонько коснулся ладонью горячего корпуса «Горыныча», отчего тот благодарно и мелодично пискнул спикером. — Пока у нас есть хоть одна голова, которая категорически не согласна с двумя другими, мы неуязвимы. Импортозамещение — это ведь не когда ты строишь идеальный замок из стекла. Это когда ты создаёшь такой лабиринт, в котором враг сам себе ноги сломает, пытаясь найти логику там, где её отродясь не было. У нас побеждает не тот, кто сильнее, а тот, кто умеет вовремя сменить тональность.

Вечером того же дня китайская делегация в полном составе пришла к нашему стенду подписывать контракт на поставку «трёхголовых» контроллеров. А Садко, довольно улыбаясь и пощипывая струну гуслей, уже перекачивал в скрытый сектор своей системы чертежи алмазного процессора Дракона — «чисто для общего развития», и чтобы Средней голове было о чем поспорить слевой на досуге под хорошую музыку.

Ирландский блокчейн и значки между реальностями

В Тридевятое Царство прибыла делегация из Изумрудного сектора, и это событие освещали все голографические СМИ — от «Вестника Царьграда» до подпольных каналов Бабы-Яги. Возглавлял миссию сам святой Патрик, который в мире высокого неона и квантовых запутанностей занимал почётный пост Главного Аудитора и Архитектора Чистых Сетей. Вместе с ним прибыли лепреконы — невысокие, светливые существа в ярко-зелёных кафтанах с интегрированными в пуговицы микро-чипами и антеннами, торчащими из тулей цилиндров.

Они привезли с собой технологию «Радужного Моста» — первого в мире полностью прозрачного блокчейна на базе фотонных вычислений. В Изумрудном секторе эта система работала безупречно: каждая транзакция, от покупки кружки эля до межгосударственных кредитов, светилась в небе над Дублином яркой дугой, кодируя данные в цветах спектра.

— Понимаете, друзья, — вещал Патрик на симпозиуме в Мраморном зале Царь-башни, поглаживая аккуратно подстриженную рыжую бороду. — Мы изгнали змей — то есть

вредоносных червей-шифровальщиков — из наших систем раз и навсегда. У нас царит абсолютная, кристальная прозрачность. Наш «Горшочек Золота» — это децентрализованное хранилище, где каждая цифровая монета имеет свою родословную, записанную в нестираемом квантовом облаке. Мы предлагаем вам объединить наши финансовые потоки. Это будет эра без коррупции и скрытых протоколов!

Принимать гостей и проводить инспекцию софта вызвался Велес — хранитель земных богатств и верховный системный администратор нижних уровней. Рядом с ним, прислонившись к дубовой панели центрального сервера, стоял Домовой Кузьма. Официально он числился младшим специалистом по «бытовому клинингу данных», но на деле именно он следил, чтобы в серверных не заводились «информационные вши» и не копилась статическая пыль веков.

— Прозрачность — это, конечно, красиво, — медленно проговорил Велес, пролистывая на планшете ирландский протокол, который сиял всеми цветами радуги. — Свежо, ярко. Только у нас народ исторически привык к приватности. У нас слово «заначка» — это не преступление, а элемент национальной безопасности.

— Приватность — это лазейка для цифровых паразитов! — горячо возразил старший техник лепреконов, похлопывая по своему горшочку-терминалу, из которого вырывались пучки лазерных лучей. — Мы внедрим у вас «Радужную Криптовалюту». Она невидима для воров, но прозрачна для

закона. В нашем реестре нельзя ничего утаить! Каждая ваша транзакция будет видна в системе как на ладони, отслеживаемая от сотворения до списания.

Кузьма тихо хмыкнул, почесал затылок и вытащил из-за пазухи старый, засаленный лапоть, из которого подозрительно торчало несколько медных проводов и старый советский транзистор.

— Видна, говорите? — Кузьма прищурился. — Ну, давайте проведём стресс-тест вашего горшочка в условиях суровой славянской эксплуатации.

Лепреконы с азартом активировали «Радужный Мост». В небе над Царь-градом мгновенно вспыхнула ослепительная дуга, состоящая из мириад информационных пакетов. Система начала глобальную индексацию активов Тридевятого Царства, пытаясь оцифровать всё — от золотого запаса казны до запасов сушёного гриба в закромах. Патрик довольно следил за полосой загрузки на своём терминале.

— Так казна — видим. Резервы на стратегическую медовуху — зафиксированы. Аренда гуслей-самоходов — индексирована. Но что это? — он внезапно нахмурился, и его палец замер над экраном. — Общая сумма физического золота и цифровых активов не сходится на целых тридцать семь процентов! Где остальное? Где неучтённая энергия?

— А остальное — в заначках, — невозмутимо пояснил Кузьма, ковыряясь электро-шилком в своём лапте. — Видите ли, господа аудиторы, у нас в каждом сервере, в каждой под-

системе, помимо ваших модных протоколов, живёт «Домовой софт». Это заначки в складках самой реальности. Они не записаны в блокчейне, они существуют в виде вероятностного поля между кулером и материнской платой.

Лепреконы яростно застучали по клавишам, их цилиндры задымили от вычислительной нагрузки.

— Это технически невозможно! Мы просеяли сеть через мелкое сито! Никаких скрытых сегментов быть не может! Мы запускаем протокол принудительного сканирования «Изгнание змей»!

По радуге в небе пробежала мощная золотая искра, похожая на молнию. Система начала агрессивный поиск скрытых данных, пытаясь «выкурить» всё неучтённое. Но чем сильнее лепреконы давили на сеть, тем больше их идеальная радуга начинала блекнуть, идти помехами и... запутываться в узлы. Кузьма активировал свой лапоть, и внезапно в безупречном ирландском блокчейне начали всплывать артефакты, не поддающиеся логике: виртуальные пыльные мешки, цифровые сундуки, спрятанные за системным мусором, и целые пакеты данных, замаскированные под «шум старого холодильника».

— Мы не можем их расшифровать! — в отчаянии крикнул лепрекон-программист.

— Это не шифрование, тут нет ключа! Это это просто отсутствие присутствия! Как вы это сделали?!

— Да никак, — Велес добродушно похлопал гостя по зе-

лёному плечу. — Ваша система ищет то, что написано черным по белому. А наш Кузьма прячет то, что «само собой разумеется». В этом и есть суть нашего импортозамещения. Вы строите стеклянные дворцы, где всё на виду, а мы — потайные чуланы под лестницей мироздания. В вашем «Горшочке» золото всегда светится, а у нас оно лежит там, где его не ищет ни один алгоритм, потому что для алгоритма этой координаты просто не существует в природе. Она вне ТЗ.

Патрик посмотрел на свой терминал. Радуга в небе окончательно превратилась в тусклый серый туман, который медленно и уютно впитывался в мох на стенах древней серверной.

— Значит, вы принципиально против прозрачности? — тихо, с грустью спросил Главный Аудитор.

— Мы за здравый смысл, — ответил Велес. — Прозрачность хороша для демонстраций и парадов. А для жизни нужна заначка. Потому что, когда ваша радуга внезапно погаснет из-за какой-нибудь магнитной бури или санкции на кванты, наши Домовые просто достанут золото из-под виртуальной печки, и жизнь в Царстве продолжится как ни в чем не бывало. Пока вы будете искать ключи в облаках, мы будем работать на земле.

Ирландская делегация улетала в глубоком системном шоке. Они так и не смогли осознать, как можно хранить ценности вне глобального реестра, но на всякий случай Патрик попросил Кузьму подарить ему один из его «заговорённых»

лаптей — чисто для инженерного анализа. А лепреконы, говорят, по возвращении домой начали потихоньку вплетать в свой блокчейн «серые нити» и создавать скрытые разделы — просто на тот случай, если их идеальный горшочек когда-нибудь действительно даст течь.

Тридевятое Царство же осталось при своём. В его небе редко сияли пафосные радуги тотального контроля, зато под каждой половицей программного кода надёжно и тихо хранился тот самый «неучтённый» задел, который не боялся ни мировых кризисов, ни самых святых аудитов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.